**Информационно-цифровое пространство
в конституционном измерении:
из практики Конституционного Суда
Российской Федерации***

БОНДАРЬ Николай Семенович, судья Конституционного Суда Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор
Россия, 190000, г. Санкт-Петербург, Сенатская площ., 1
E-mail: ksrf@ksrf.ru

Современный век новых информационно-цифровых технологий принципиальным образом меняет правовую жизнь личности, общества и государства, порождает не только новые возможности, но и угрозы для демократии и прав человека, затрагивает сами основы человеческого бытия в обществе. Формирующееся информационно-цифровое пространство объективно становится качественно новой сферой правового, в том числе конституционно-правового, влияния. С учетом самой природы соответствующих отношений, имеющих предельно сложный, комплексный характер, сочетающих публичные и частные начала и затрагивающих основополагающие ценности общества и государства, права и свободы человека и гражданина, конституционному праву отводится особая роль в их урегулировании, а Конституционному Суду Российской Федерации — в разрешении новых по своей природе противоречий и коллизий в информационно-цифровой сфере. Автор статьи анализирует доктринальные и практико-прикладные проблемы конституционализации информационно-цифрового пространства с позиций правового воздействия на эти отношения как самой Конституции Российской Федерации, текущего законодательства, так и решений Конституционного Суда. Особое внимание уделено цифровой идентификации личности, формированию информационно-цифрового статуса человека и гражданина, конституционному обоснованию права на забвение как института гарантирования тайны частной жизни и личной свободы в современных информационных условиях. На этой основе становится возможным достижение баланса конституционных ценностей в формирующейся информационно-цифровой среде, минимизация негативных последствий влияния новых технологий на демократические институты современного конституционализма.

Ключевые слова: конституционное право, Конституционный Суд Российской Федерации, информационно-цифровое пространство, власть, свобода, права человека.

Для цитирования: Бондарь Н. С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2019. № 11. С. 25—42. DOI: 10.12737/jrl.2019.11.2

* Статья подготовлена по материалам выступлений на Международной научной конференции «Информационное пространство знаний, цифровой мир и конституционное право» (МГУ им. М. В. Ломоносова, 17—20 апреля 2019 г.), а также в рамках XIV Международной школы-практикума молодых ученых-юристов «Право перед вызовами технологической революции» (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 31 мая — 1 июня 2019 г.).

Information and Digital Space in the Constitutional Dimension: From the Practice of the Constitutional Court of the Russian Federation

N. S. BONDAR, Constitutional Court of the Russian Federation, St. Petersburg 190000, Russian Federation

E-mail: ksrf@ksrf.ru

The modern century of new digital technologies fundamentally transform legal life of individual, society and state, generates not only new opportunities, but also threats to democracy and human rights, affects the very foundations of human existence in modern society. The emerging information and digital space objectively becomes a whole new sphere of legal, including constitutional, influence. Given the nature of such relations that have an extremely sophisticated, complex nature, combining public and private grounds and affecting the fundamental values of society and state, human and civil rights and freedoms, constitutional law has a special role in their settlement, and the Constitutional Court of the Russian Federation — in resolving essentially new contradictions and conflicts in information and digital sphere. In this regard, this article dedicates to doctrinal and practical problems of constitutionalization of information and digital sphere in the context of the legal impact of the Constitution of the Russian Federation, the current legislation and decisions of the Constitutional Court on these relations. Special attention was given to the digital identification of the individual, the genesis of information and digital status of human and citizen, the constitutional foundation of the right to be forgotten as a guaranty of privacy and personal freedom in modern information conditions. On this basis it becomes possible to achieve the balance of constitutional values in the emerging information and digital sphere, minimizing the negative consequences of the impact of new technologies on the democratic institutions of modern constitutionalism.

Keywords: constitutional law, Constitutional Court of the Russian Federation, digital space, authority, freedom, human rights.

For citation: Bondar N. S. Information and Digital Space in the Constitutional Dimension: From the Practice of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Zhurnal rossijskogo prava* = *Journal of Russian Law*, 2019, no. 11, pp. 25—42. (In Russ.) DOI: 10.12737/jrl.2019.11.2

Вопросы цифровизации информационного пространства привлекают сегодня все большее внимание представителей правовой науки. При этом речь идет о юридической проблематике предельно широкого, межотраслевого характера, где, пожалуй, одинаково важное место занимают исследования в области как частного, так и публичного права. Отдавая должное этим исследованиям отечественной юриспруденции¹, следует отметить в

их числе и первые подходы к конституционно-правовым аспектам данной проблемы². Более того, уже сегодня можно говорить, как это не покажется на первый взгляд неожиданным, и об определенной практике Конституционного Суда РФ по решению соответствующих вопросов прежде всего в связи с защитой прав и свобод человека и гражданина в формирующемся информационно-цифровом пространстве.

¹ См. об этом, например: Зорькин В. Д. Право в цифровом мире // Российская газета — Столичный выпуск. 2018. 29 мая. № 7578(115); Хабриева Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 5—16; Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1; Талапина Э. В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2; Саурин А. А. Цифровизация как фак-

тор трансформации права // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 8. С. 26—31.

² См.: Авакьян С. А. Информационное пространство знаний, цифровой мир и конституционное право // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 7. С. 23—28; Шахрай С. М. «Цифровая» Конституция. Судьба основных прав и свобод личности в тотальном информационном обществе // Вестник Российской академии наук. 2018. № 12. Т. 88. С. 1075—1082.

Информационно-цифровое пространство — новая сфера конституционно-правового влияния: доктринальные и практико-прикладные начала. Постановка вопроса об анализе информационно-цифрового пространства сквозь призму конституционного права предполагает исследование соответствующей проблематики по двум взаимосвязанным направлениям. Это, с одной стороны, конституционализация информационно-цифрового пространства и, с другой — цифровизация конституционного права. При этом могут возникнуть вопросы: насколько актуальной, практически значимой для сегодняшнего дня является такая постановка проблемы? И не преобладают ли здесь конъюнктурные моменты, попытка искусственной цифровой модернизации правовой сферы, где традиционно высокий удельный вес составляют, как известно, консервативные начала?

При поиске ответа на эти вопросы возможны три подхода: а) пока это своего рода научная фантастика, доктринальная утопия; б) речь идет о правовой футурологии, прогнозировании отдаленного будущего конституционного права в цифровом проявлении; в) уже сегодня это практическая реальность.

Выбор наиболее приемлемого из указанных подходов предполагает необходимость уяснения (хотя бы в приближенном, самом общем плане) смысла, назначения новых современных технологий, но не в научно-техническом, а в социальном проявлении; этим как раз и предопределяется, с одной стороны, возможность проникновения современных технологических достижений в конституционно-правовую жизнь и, с другой — возможность и необходимость влияния конституционно-правового инструментария на процессы технологизации, в том числе на формирование глобального информационного пространства.

При оценке конституционных аспектов цифровизации важно также

учитывать, что новым технологиям объективно присуща внутренняя социально ориентированная противоречивость, с ними неизбежно связано появление новых социальных коллизий и противоречий, требующих в том числе правового воздействия — как правоохранительного, запретительного, так и регулятивного, предоставительно-обязывающего плана. Ведь в новых технологиях и их практическом внедрении в социальную действительность очень часто могут одинаково успешно уживаться положительные результаты, благо в виде новых, невиданных ранее информационных и иных возможностей и одновременно столь же опасные для свободы и неприкосновенности личности, безопасности общества последствия непредсказуемого использования огромного потенциала новых технологий. Так, по данным ВЦИОМа, жертвами интернет-мошенников уже стали около трети россиян. При этом, по прогнозам специалистов, количество финансовых обманов и других правонарушений в сети Интернет будет только расти³. В новом информационно-цифровом пространстве активно стираются границы между добром и злом, свободой, доступностью и несвободой, вседозволенностью; критерии технологического прогресса все в меньшей степени учитывают нравственно-этические, гуманистические начала, связанные с использованием его результатов. Как было подмечено еще до появления современных информационно-цифровых технологий, «человечество всегда создает правильные технологии для неправильных целей» (Р. Бакминстер Фуллер); это подтверждается тем очевидным фактом, что новые технологии далеко не всегда используются в интересах развития демократии, укрепления прав граждан, даже если мы

³ См.: Участвовать в общественных отношениях невозможно анонимно // Парламентская газета. 2019. 6—12 сент. С. 9.

при этом все активнее используем понятия электронной демократии, цифровых прав человека и гражданина и т. п.⁴

Очевидно, что решение вопроса о том, какое место должны занимать новые технологии в современном обществе, не может отдаваться на откуп даже самым выдающимся творцам-технократам, авторам этих технологий. Ведь это не только и не столько научно-техническая, инновационно-технологическая проблема, сколько гуманистическая задача в самом широком смысле этого слова, затрагивающая основы человеческого бытия в современном обществе. В этом плане в связи с активно обсуждаемой сегодня проблемой искусственного интеллекта, роботизацией различных, в том числе юридических, сфер профессиональной деятельности нелишне учитывать, что «настоящая опасность не в том, что компьютеры начнут думать как люди, а в том, что люди станут думать как компьютеры» (С. Харрисон). Как избежать этого? Каким образом можно добиться, чтобы новые технологии служили человеку, были безопасными для общества и личности? Иного пути, кроме гуманизации процессов их использования, внедрения в повседневную жизнь новых технологий, нет.

Важной составляющей гуманитарного аспекта рассматриваемой проблемы является право как универсальный регулятор в том числе активно формирующегося информационно-цифрового пространства с его нередко несовпадающими, коллизийными интересами личности и коллектива, общества и государства. Роль права — быть не просто «распределителем» технологических достижений между их потребителями, но в какой-то мере выступать регу-

лятором технологических процессов, определять социально оправданный коридор вторжения человека в искусственный мир новых технологий.

Одновременно нельзя не учитывать, что право в условиях цифровизации неизбежно становится также объектом его воздействия⁵. Это порождает новые противоречия и проблемы, в том числе для самого права: о смысле правосубъектности (в том числе во взаимосвязи с вопросом о правосубъектности роботов)⁶, пределах вмешательства в частную жизнь⁷, природе правового пространства⁸, цифровых правах и влиянии соответствующих технологических процессов на систему права⁹ и т. д.

Вне зависимости от характера правоприменительных проблем, возникающих в связи с цифровизацией, отправной точкой и методологическим ориентиром на пути их решения должны стать конститу-

⁵ См.: Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1; Andre Le Sueur. Robot Government: Automated Decision-making and its Implications for Parliament // Parliament: Legislation and Accountability. Oxford, 2016. P. 183—203.

⁶ См.: Гаджиев Г. А., Войничанис Е. А. Может ли робот быть субъектом права (поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 24—28.

⁷ См.: Сафоклов Ю. «Большой брат» в Интернете. Решение Федерального конституционного суда Германии по так называемому «компьютерному основному праву» // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. № 5(72). С. 144—156.

⁸ См.: Тихомиров Ю. А., Головина А. А., Плюгина И. В. и др. Правовое пространство: границы и динамика: монография / отв. ред. Ю. А. Тихомиров. М., 2019. С. 31—61.

⁹ Так, Т. Я. Хабриева предлагает новое понятие «циклический правовой массив», призванное обозначить слабо исследованные элементы структуры системы права. См.: Хабриева Т. Я. Указ. соч. С. 5—16.

⁴ См.: Bastick Z. Digital Limits of Government: The Failure of E-Democracy // Beyond Bureaucracy: Towards Sustainable Governance Informatisation. Springer International Publishing, 2017. P. 3—14.

ционные принципы и нормы. Какой бы ни была цифровая реальность по степени ее развитости, она должна подпадать под действие Конституции как нормативного акта, имеющего высшую юридическую силу в российской правовой системе, в том числе по отношению к законоположениям, регулирующим указанную сферу новых отношений¹⁰.

В этих условиях необходимость конституционно-правового воздействия на технологизацию, цифровизацию нашей жизни, в том числе в целях упорядочивания соответствующих процессов, соединения научных технологий с социальными, гуманитарно-мотивированными векторами научно-технического прогресса, приобретает объективный характер. Данная сфера новых отношений носит предельно сложный, многоплановый, комплексный характер; в этом плане также чрезвычайно важна роль конституционного права в регулировании соответствующих отношений.

Во-первых, именно конституционное право с уникальными возможностями его норм-принципов, норм-дефиниций, норм программного характера, с предельно высоким ценностно-регулятивным потенциалом способно оказывать мягкое, нормативно-ориентирующее воздействие на новое, активно формирующееся информационно-цифровое пространство.

Во-вторых, важной особенностью соответствующих отношений, в том числе в их цифровом выражении, является сочетание, тесное переплетение национальных и наднациональных, международно-правовых начал, что связано, с одной стороны, с глобальным, всемирным распространением информационно-цифровой паутины и, с другой — с ее проникновением на все уровни социальной действительности, растворением в современном информационно-цифровом пространстве каж-

дой конкретной личности с ее не только социально-правовыми статусными характеристиками, но и личной, вплоть до частно-интимной, жизнью. Это порождает принципиально новые проблемы соотношения власти и свободы, свободы и ответственности¹¹, ограничений традиционных прав и юридического оформления новых прав личности как субъекта информационно-цифрового пространства. Очевидно, что все это — правовые проблемы прежде всего конституционного уровня и содержания.

В-третьих, на этой основе возникают новые проявления человеческого бытия, новые формы деятельности в местном, региональном, национальном, всемирном масштабах, включая такие новые формы политической, профессионально-юридической деятельности, имеющие конституционное значение, как электронное голосование, электронное правительство, электронное правосудие и т. д.¹²

В-четвертых, соответствующие процессы формирования современного информационно-цифрового пространства объективно порождают новые проявления в соотношении публичных и частных начал с точки зрения нормативно-правового воздействия на эти отношения. Наиболее эффективно это могут

¹¹ Уместно привести мнение, согласно которому внедрение цифровых технологий связано с неким размытием границ не только прав личности, но и юридической ответственности. См.: *Devins C., Felin T., Kauffman S., Koppl R.* The Law and Big Data // *Cornell Journal of Law and Public Policy*. Vol. 27. Iss. 2. P. 361.

¹² См., например: *Howes D.* E-Legislation: Law-Making in the Digital Age // *McGill Law Journal*. 2001. Vol. 47. P. 39—57; *Добролюбова Е. И., Южаков В. Н., Ефремов А. А., Клочкова Е. Н.* и др. Цифровое будущее государственного управления по результатам. М., 2019; *Нисневич Ю. А.* Электронное государство // *Вопросы политологии*. 2011. № 1(1). С. 6—18.

¹⁰ *Зорькин В. Д.* Указ. соч. С. 1, 4.

обеспечить нормы и институты конституционного права, которые особым образом сочетают публичные и частные начала в правовом регулировании, а само конституционное право приобретает характеристики публично-частной отрасли¹³.

В числе других факторов и обстоятельств, определяющих повышенную роль конституционного права в системе нормативно-правовых средств воздействия на информационно-цифровое пространство, заметное значение имеет, как уже отмечалось, возникновение новых по своей природе коллизий и дефектов, затрагивающих основополагающие ценности общества и государства, права и свободы человека и гражданина, реализуемые в новых информационно-цифровых условиях и приобретающих конституционное значение.

Информационно-цифровое пространство обуславливает становление новых конституционно-значимых граней, способов осуществления власти и свободы, что, соответственно, порождает и новые конституционные основы формирования и функционирования власти, ее взаимоотношений с человеком и гражданином, обществом в целом. Например, внедрение электронного голосования неизбежно обостряет проблему легитимности формирования органов власти, что проявилось уже на начальном этапе внедрения этого технологического достижения в избирательную систему, в частности, на выборах депутатов Московской городской Думы 8 сентября 2019 г.¹⁴ Формирование же цифровой

экономики, утверждение цифрового рынка неизбежно порождают новые конституционно значимые вопросы, связанные с неизбежным усилением виртуально-иллюзорных начал в экономической жизни, дальнейшим вытеснением из сферы экономики «очеловеченных», социально-гуманистически ориентированных отношений. Одновременно в условиях активного вторжения в жизнь новых технологий неизбежным становится не только расширение сферы, но и некое размывание пределов реализации фундаментальных прав человека, изменение представлений о нормативном наполнении как частной, так и публичной жизни. Определение же баланса между свободой личности в цифровом обществе и иными ценностями, ставшими традиционными и значимыми для современной конституционной сферы, связано с конституционализацией новых, до недавнего времени неизвестных информационно-цифровых возможностей реализации как свободы личности, так и компетенционных возможностей органов публичной власти. Очевидно, что эти процессы должны осуществляться на основе новых законодательных решений, включая конституционные, а также с учетом особой роли в этих процессах Конституционного Суда РФ¹⁵.

При этом конституционно-правовое наполнение информационно-цифрового пространства в первую очередь связано с осознанием того факта, что эта сфера — с учетом ее специфических качественных характеристик — основывается на максимальной свободе доступа к ее информационным и иным достижениям. В свою очередь, это обост-

¹³ См.: Бондарь Н. С. Судебный конституционализм: доктрина и практика. 2-е изд. М., 2016. С. 210—217.

¹⁴ См.: Мухаметшина Е., Бочарова С. Электронное голосование на выборах в Мосгордуму станет поводом для судебных разбирательств // Ведомости. 2019. 11 сент.; Пестерева А. Электронное голосование подвела техника // Коммерсантъ. 2019. 11 сент. Справедливости ради следует отметить, что

Верховный Суд РФ признал законным эксперимент с использованием электронного голосования в Москве. См. апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 6 августа 2019 г. № 5-АПА19-93.

¹⁵ См.: Зорькин В. Д. Указ. соч. С. 1, 4.

ряет противоречия между свободой и властью, что предопределяет необходимость поиска новых, особых форм их взаимодействия.

Важным средством конституционализации информационно-цифрового пространства является судебная власть и, в частности, конституционное правосудие. При этом на одном из первых мест в плане конституционализации цифрового пространства стоит, как свидетельствует в том числе конституционно-судебная практика, проблема надлежащей, объективной информационно-цифровой идентификации личности в условиях тотального воздействия на нее новых технологий.

Информационно-цифровая идентификация статуса личности: расширение или сужение «коридора» свободы? Цифровизация правового статуса личности уже сегодня проявляется как реальность. С этим связано формирование относительно самостоятельной новой правовой категории — цифровых (информационно-цифровых) прав личности, которые находят подтверждение в законотворчестве и правоприменении как на национальном¹⁶, так и международном¹⁷ уровнях. Что касается Российской Федерации, то приоритет в за-

конодательном оформлении цифровых прав принадлежит гражданскому праву, имея в виду внесенные в ГК РФ изменения, касающиеся закрепления как цифровых прав (новая ст. 141¹ ГК РФ теперь так и называется — «Цифровые права»), так и некоторых других новых базовых положений цивилистики, отталкиваясь от которых стало возможным осуществлять регулирование, в частности, рынка существующих в информационно-телекоммуникационной сети новых объектов экономических отношений, обеспечивать условия для совершения и исполнения сделок в цифровой среде¹⁸.

Юридическое оформление информационно-цифровых прав предопределяет необходимость их категориального обоснования и определения соотношения как с традиционными правами человека и гражданина, так и между собой. В связи с этим следует признать: тезис о том, что права, которые человек имеет вне Сети, должны быть защищены в том числе онлайн¹⁹, не выглядит беспочвенным, равно как и то, что конкретное наполнение традиционных прав, подвергающихся цифровизации, не может не сказываться как на их нормативном содержании, так и на реализации²⁰. Это, в свою очередь, может вступать в конфликт с экстерриториальной природой информационно-цифровых прав²¹, а экстерриториальная при-

¹⁶ Например, в Италии с 2015 г. действует Декларация о правах в Интернете; Новая Зеландия приняла Закон о вредных цифровых коммуникациях (Harmful Digital Communications Bill), предполагающий привлечение к ответственности, вплоть до уголовной; во Франции принят Закон о цифровой республике (LOI pour une République numérique).

¹⁷ См.: The promotion, protection and enjoyment of human rights on the Internet: resolution (adopted at the 32nd Session). The right to privacy in the digital age: Resolution adopted by the General Assembly on 18 December 2013; Щербович А. А. Хартия прав человека и принципов для Интернета с точки зрения реализации социальных, экономических и культурных прав. М., 2016.

¹⁸ См. Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации».

¹⁹ Данный подход подтвержден Генеральной Ассамблеей ООН с учетом принятой 18 декабря 2013 г. резолюции о праве на неприкосновенность личной жизни в цифровой век (п. 3).

²⁰ См.: Lessig L. Reading the Constitution in Cyberspace. URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=41681.

²¹ См.: Грачева С. А., Черемисинова М. Е. Вопросы конституционного обеспечения

рода цифровых прав — с принципом государственного суверенитета, тем более если иметь в виду, что основными обладателями современного мирового интернет-ресурса являются частные корпорации, расположенные на территории США и в этом качестве (как частные корпорации) не являющиеся субъектами международного права. Этот перечень новых, до недавнего времени неизвестных, проблем прав человека в их цифровом выражении можно умножать, тем более с учетом специфики отдельных отраслей правового регулирования и сфер их реализации.

Проблемным и актуальным данный аспект является не только в силу неизбежных и реально возникающих гражданско-правовых споров (имеющих в том числе конституционно-правовой подтекст), в частности, о необходимости исключения или ограничения доступа к информации того или иного рода²². Стремление государства «цифровизировать» информационную сторону жизни человека ведет к повсеместному внедрению таких технологических решений, которые будут позволять аккумулировать информацию, данные любого рода, связанные с жизнью человека, начиная с момента его рождения²³. Определение же допустимых пределов такой деятельности

неразрывно связано с определением конституционного содержания категории «информационно-цифровой портрет (статус) личности».

Конституционная природа информационно-цифрового портрета личности переплетается с такими категориями, как «персональные данные», «частная жизнь», «право на неприкосновенность частной жизни», осмыслению которых было уделено достаточно внимания в практике конституционного судопроизводства.

Конституция РФ непосредственно не закрепляет категорию «персональные данные», соответственно не содержит в качестве самостоятельного права на защиту персональных данных. Тем не менее защита персональных данных, которая должна определять в том числе конституционные ориентиры в контексте формирования цифрового портрета личности, имеет конституционно-правовое обоснование. Основанием такой защиты в первую очередь выступают следующие конституционные положения: принцип охраны достоинства личности (ч. 1 ст. 21); право на свободу (ч. 1 ст. 22); право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну (ч. 1 ст. 23); право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ч. 2 ст. 23); запрет сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни лица без его согласия (ч. 1 ст. 24); обязанность органов публичной власти, их должностных лиц обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы (ч. 2 ст. 24).

В качестве базовых начал следует обратить внимание также на ряд правовых позиций КС РФ, связанных с конституционно-правовой сутью информационно-цифрового портрета личности:

1) недопустимость произвольного вмешательства кого бы то ни было

цифровых прав // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2018. № 4(32). С. 56.

²² В качестве примера можно указать на следующие решения КС РФ: определения от 12 февраля 2019 г. № 274-О об отказе в принятии к рассмотрению жалоб С. В. Безрукова на нарушение его конституционных прав п. 1 ст. 152² ГК РФ; от 12 февраля 2019 г. № 275-О об отказе в принятии к рассмотрению жалоб А. О. Безруковой на нарушение ее конституционных прав п. 1 ст. 152¹ и п. 1 ст. 152² ГК РФ.

²³ См., например: ПФР: «цифровой портрет» появится у 80% россиян к 2025 году. URL: <https://www.pnp.ru/social/pfrcifrovoy-portret-poyavitsya-u-80-rossiyan-k-2025-godu.html>).

в сферу автономии личности выступает необходимой предпосылкой создания условий для всестороннего развития человека и для демократического устройства общества²⁴; 2) принцип индивидуальной автономии (производный от признания достоинства личности) обязывает государство создавать для каждого человека реальные возможности свободного самоопределения и самовыражения²⁵; 3) конституционные установления относительно реализации права на получение и распространение информации в полной мере относятся к любой информации — независимо от места и способа ее производства, передачи и распространения, включая сведения, размещаемые в информационно-телекоммуникационной сети Интернет²⁶. Эти установления, безусловно, выступают и доктринальными, и нормативными началами в формировании информационно-цифрового портрета личности.

Также в контексте затронутой проблематики необходимо учитывать подходы, выработанные к пониманию частной жизни как одной из составляющих конституционного права на защиту персональных данных. Конституционный Суд в принципиальном плане исходит из того, что персональные данные человека подлежат защите не только в рамках его личных (скрытых от осталь-

ных) отношений, но и в иных случаях, включая осуществление профессиональной деятельности²⁷. Соответственно, информация, защита которой обеспечивается в рамках конституционного права на неприкосновенность частной жизни, охватывает все персональные данные, независимо от того, содержат они сведения о личной, интимной сфере человеческих отношений или нет. В то же время деяния, противоправность которых подтверждена в установленном порядке, не относятся к сфере частной жизни лица, сведения о которой не допускается собирать, хранить, использовать и распространять без его согласия²⁸.

Таким образом, информационный портрет личности по своим существенным характеристикам имманентно связан с такими конституционно-признаваемыми и защищаемыми категориями, как персональные данные, частная жизнь, неприкосновенность частной жизни, охрана и уважение достоинства личности и т. д. Эта связь позволяет рассматривать информационно-цифровой портрет личности как относительно самостоятельную категорию, системно отражающую информационные объекты конституционно-правовой защиты, осуществляемой, в частно-

²⁴ См. постановление КС РФ от 22 марта 2005 г. № 4-П по делу о проверке конституционности ряда положений УПК РФ, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд.

²⁵ См. постановление КС РФ от 23 сентября 2014 г. № 24-П по делу о проверке конституционности ч. 1 ст. 6.21 КоАП РФ.

²⁶ См. постановление КС РФ от 9 июля 2013 г. № 18-П по делу о проверке конституционности положений п. 1, 5 и 6 ст. 152 ГК РФ.

²⁷ См. определения КС РФ от 26 января 2010 г. № 158-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Д. Н. Усенко на нарушение его конституционных прав положениями ст. 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», от 24 сентября 2013 г. № 1333-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы И. С. Скипакевича на нарушение его конституционных прав п. 10 ч. 4 ст. 13, п. 5 ст. 78, ст. 87 и 90 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».

²⁸ См. определение КС РФ от 19 февраля 2009 г. № 91-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы В. И. Пишака на нарушение его конституционных прав частью первой ст. 6 и частью второй ст. 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

сти, Конституционным Судом РФ. Во многом именно конституционное правосудие обеспечивает конституционализацию информационно-цифрового статуса личности.

Важным и, пожалуй, первым направлением — как в хронологическом, так и в юридическом плане — явилась цифровая персонализация человека, формирование его «информационного портрета», призванного отразить важные, конституционно значимые характеристики личности в условиях цифрового общества в различных статусных ее проявлениях (как налогоплательщика, субъекта юридической ответственности, участника избирательного процесса, субъекта обращений в органы государственной и муниципальной власти и т. п.).

Уже сегодня имеются достаточные возможности для анализа защиты прав человека в контексте с информационным и, отчасти, цифровым портретом личности на основе практики конституционного судопроизводства. Нормативный потенциал Конституции РФ, а также подходы, выработанные КС РФ к анализу ряда соответствующих вопросов в рамках конкретных дел, позволяют выявить конституционно-правовые начала информационно-цифрового статуса личности.

С подобного рода проблемой КС РФ столкнулся еще в 2003 г., когда ему пришлось решить вопрос о допустимости включения в идентификационный номер налогоплательщика антирелигиозной символики, связанной с определенным сочетанием цифры «6», как это воспринимали заявители; по их мнению, соответствующий номер фактически служит заменой имени человека и используется для сбора, хранения и использования информации о частной жизни лица без его на то согласия. Кажущаяся на первый взгляд некоторая несерьезность, комичность ситуации в действительности является примером возможных

противоречий социально-правового характера, которые кроются за процессом цифровизации вообще и за цифровой идентификацией личности в частности. Подобного рода цифровые номера могут выступать алгоритмом, позволяющим идентифицировать конкретное лицо, которое в силу различного рода причин не желает быть связанным с информационными, числовыми и иными данными, которые противоречат его внутренним религиозным убеждениям и самосознанию, что, безусловно, входит в содержание частной жизни (ст. 23 Конституции РФ), понимаемой КС РФ в широком смысле и подлежащей судебной защите, в том числе средствами конституционного судопроизводства. Во многом именно по этой причине КС РФ отметил, что Налоговый кодекс РФ не препятствует изменению идентификационного номера в случаях, когда такая необходимость продиктована религиозными убеждениями налогоплательщика²⁹. Подобного рода вопросы, возникающие на стыке информационно-цифровых проблем и неприкосновенности частной жизни, которые, как может показаться, не обладают конкретным нормативно-правовым и тем более конституционным содержанием, сегодня имеют практическое, в том числе нравственно-этическое, значение и, безусловно, заслуживают внимания со стороны конституционного судопроизводства.

²⁹ См. определение КС РФ от 10 июля 2003 г. № 287-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы И. Ф. Можнева и коллективной жалобы Т. С. Гирдюк, Л. Н. Маркеловой, Г. В. Рацинской и других на нарушение их конституционных прав абз. 1 п. 7 ст. 84 Налогового кодекса РФ. В дальнейшем эта правовая позиция получила развитие в определении КС РФ от 21 декабря 2006 г. № 598-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы В. В. Смокотина на нарушение его конституционных прав введением в действие паспорта гражданина Российской Федерации.

В ином ключе противоречивость цифровой идентификации проявляется в контексте решения вопроса о привлечении к административной ответственности лиц за нарушения, которые зафиксированы с помощью специальных технических средств. В связи с этим на первый план выходит проблема пределов ответственности, к которой лицо может быть привлечено, если факт правонарушения был зафиксирован такими средствами. На это обратил внимание КС РФ, отметив, что в случае привлечения лица к административной ответственности на основании его идентификации как виновного при помощи специальных технических средств штраф не должен достигать максимального предела для лиц, привлекаемых к ответственности за соответствующие административные правонарушения в общем порядке³⁰. При этом нельзя забывать и о традиционной для права ответственности собственника источника повышенной опасности, привлечение к которой при помощи работающих в автоматическом режиме специальных технических средств способствует сокращению латентности административно наказуемых деяний в указанной сфере и, преследуя цели предупреждения совершения административных правонарушений, представляющих серьезную угрозу для жизни, здоровья и имущества участников дорожного движения, обеспечивает эффективную защиту конституционно значимых ценностей³¹.

³⁰ См. постановление КС РФ от 18 января 2019 г. № 5-П по делу о проверке конституционности ст. 2.6.1 и ч. 1, 2, 3 и 6 ст. 12.21.1 КоАП РФ. Также см. определение КС РФ от 12 марта 2019 г. № 575-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы В. Г. Казаченко на нарушение его конституционных прав ст. 2.6.1 КоАП РФ.

³¹ См. постановление КС РФ от 4 декабря 2017 г. № 35-П по делу о проверке конституционности ч. 1³ ст. 32.2 КоАП РФ, опреде-

Активные процессы информационно-цифровой идентификации личности порождают также новые проблемы обеспечения конституционного равенства граждан, одним из проявлений которого становится цифровое (не)равенство. Можно согласиться с тем, что одним из величайших мифов нашего времени является то, что новые технологии сближают, выравнивают нас (Либби Ларсон). В действительности, к сожалению, чаще всего информационная цифровизация (особенно на начальном этапе ее развития) усугубляет процессы социального и правового неравенства.

Проблема цифрового равенства напрямую затрагивает уже существующие проявления расслоения граждан (социальное, экономическое, территориальное и иные)³², усиливает риск злоупотребления тем или иным правом, появление которого непосредственно связано с цифровизацией. Все это актуализирует проблему обеспечения конституционного равенства в условиях становления информационно-цифрового пространства и его конституционализации.

Речь идет о том, что сущность цифрового общества не только предопределяется его технологическими характеристиками, но она остается под влиянием конкретных социальных субъектов, властные возможности которых, связанные с использованием новых технологических достижений, могут привести к еще

ление КС РФ от 17 июля 2012 г. № 1286-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы ООО «Коммерческий банк «Транспортный» на нарушение конституционных прав и свобод ч. 1 ст. 2.6.1 и ч. 2 ст. 12.9 КоАП РФ.

³² См.: Шабашев В. А., Щербакова Л. Н. Тенденции цифрового равенства/неравенства в современном мире // Социологические исследования. 2016. № 9. С. 3—12; Данилов Н. А. Социальная справедливость в информационном обществе: проблема цифрового равенства // Информационное право. 2012. № 2(29). С. 5—6.

большему неравенству. Причем само по себе цифровое неравенство связано с относительно новыми аспектами этой проблемы; к известным проявлениям экономического, социального, территориального неравенства добавляется, например, технологическое неравенство, заключающееся в неравном доступе к новым технологиям, в том числе в сфере медицины, образования, и, как результат, углубляется социальное расслоение общества. Разновидностью технологического неравенства может стать биологическое неравенство, внедрение новых технологий способно существенно расширить возможности человеческого организма, заметно увеличить продолжительность жизни человека и т. д., но все это будет доступно не всем — в силу высокой стоимости, технологической неграмотности, неинформированности, территориальной недоступности соответствующих услуг и т. п.

При этом наличие цифрового неравенства связано в том числе с неравномерными, порой весьма противоречивыми процессами технологического развития, что сказывается на всех основных сферах человеческого бытия, причем не только экономики, образования, медицины, но и, например, сферы управления. Так, в докладе Всемирного банка указывается, что информационно-коммуникационные технологии могут усиливать социальное неравенство в вопросах вовлеченности граждан в государственное управление, что позволяет говорить о так называемом цифровом разрыве³³. В конечном счете проблема цифрового равенства сводится к необходимости обеспечения равного доступа к современным технологиям. Если раньше эта проблема сводилась к ограниченности доступа к той или иной информации в связи с возможностью выра-

жать свое мнение по тем или иным вопросам и к исключению этих граждан из определенных сфер (областей) деятельности³⁴, то теперь в силу всеохватности информационной и технологической революции последствия такого неравенства становятся шире, следовательно, и результат будет существенно более негативным.

В качестве примера цифрового неравенства отметим функционирование портала «Государственные услуги», который позволяет в рамках интернет-режима осуществлять доступ к основным необходимым гражданам социальным и иным услугам. Но доступность этого ресурса фактически может быть ограничена в силу финансовой невозможности приобрести необходимые технические устройства (экономическое неравенство), отсутствия доступа в сеть Интернет в данной местности (территориальное неравенство), низкого уровня информационной грамотности старшего поколения (возрастное неравенство) и т. п. Как результат, заметная часть населения может оказаться отрезанной от минимально необходимого набора тех услуг, которые государство обязано предоставлять им.

Такого рода проблемы накладывают дополнительные обязательства по обеспечению цифрового равенства. В рамках решения данной проблемы заслуживает внимания социальная программа «Цифровое равенство», проводимая на базе Ростелекома и ставшая победителем конкурса Форума Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного сообщества³⁵. Цель данной программы — улучшить качество жизни жителей

³⁴ См.: Данилов Н. А. Указ. соч. С. 5—6.

³³ См.: Государственное управление и закон. Обзор. Всемирный банк, 2017. С. 25.

³⁵ См.: Российский проект «Цифровое равенство» стал победителем конкурса WSIS Prizes-2018. URL: <http://d-russia.ru/rossijskij-proekt-tsifrovoe-ravenstvo-stal-pobeditelem-konkursa-wsis-prizes-2018.html>.

России, устраняя цифровые барьеры и обеспечивая доступность к современным телекоммуникационным технологиям для социально незащищенных групп населения: людей старшего поколения; воспитанников детских домов; детей из семей, оказавшихся в сложной жизненной ситуации; детей с ограниченными возможностями здоровья и др.

Проблема действенных конституционных механизмов защиты прав граждан в информационно-цифровом пространстве, в том числе на основе последовательного обеспечения конституционного принципа равенства всех перед законом, тесно связана также с конституционализацией нового для нашей конституционно-правовой системы так называемого права на забвение.

Право на забвение как элемент информационно-цифрового статуса личности. В праве на забвение, как это справедливо отмечается в литературе, находят подтверждение внутренняя противоречивость современных процессов информационной цифровизации и необходимость поиска специальных конституционно-правовых механизмов обеспечения баланса свободы информации, с одной стороны, и неприкосновенности частной жизни — с другой³⁶.

Право на забвение стало одной из наиболее актуальных проблем, связанных с цифровизацией и развитием информационно-телекоммуникационной сети Интернет. В связи с беспрецедентным по объему оборотом персональных данных объективно возникла необходимость создания нового механизма защиты конституционных прав граждан. Возникновение данного права во многом было продиктовано особым уровнем опасности того, что информация в сети Интернет может причинить вред осуществлению прав и

свобод лица, особенно праву на частную жизнь³⁷.

В хронологическом плане впервые право на забвение получило нормативно-правовое признание в практике Суда Европейского Союза, а именно в его решении от 13 мая 2014 г. по делу «Google Spain против Марио Костехи Гонсалеса». Данное дело касалось удаления из поисковых систем неактуальной информации о банкротстве гражданина³⁸. В дальнейшем право на забвение получило и юридическое оформление. Так, согласно ст. 17 Регламента № 2016/679 Европейского парламента и Совета ЕС «О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС (Общий Регламент о защите персональных данных)» (принят в г. Брюсселе 27 апреля 2016 г.) нормативным содержанием «права на забвение» является возможность субъекта при определенных условиях требовать незамедлительного удаления относящихся к нему персональных данных из общедоступных источников (например, поисковых систем). Как следует из п. 66 преамбулы указанного Регламента, данное право подразумевает также обязанность контролера, к которому обратилось лицо, требующее удаления своих персональных данных, проинформировать контролеров, которые обрабатывают указанные персональ-

³⁷ См. об этом, например, постановления ЕСПЧ от 5 мая 2011 г. по делу «Редакция газеты “Правое дело” и Штекель (Editorial Board of Pravoye Delo and Shtekel) против Украины»; от 16 июня 2015 г. по делу «Компания “Делфи АС” (Delfi AS) против Эстонии».

³⁸ См.: Крылова М. С. Принципы обработки персональных данных в праве Европейского союза // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 10. С. 179; Соколова О. С. Защита персональных данных посредством права на забвение // Современное право. 2016. № 9. С. 69.

³⁶ См.: O'Hara Kieron. The Right to Be Forgotten: The Good, the Bad, and the Ugly // University of Southampton. The Digital Citizen, 2015.

ные данные, и удалить все ссылки, копии или репликации указанных персональных данных.

В законодательстве Российской Федерации право на забвение было нормативно закреплено в связи с принятием Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 264-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации». Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» был дополнен ст. 10³ «Обязанности оператора поисковой системы», согласно которой поисковые системы по заявлению гражданина обязаны прекратить выдачу сведений об указателе страницы сайта в сети Интернет, позволяющих получить доступ к информации о заявителе, являющейся недостоверной, а также неактуальной.

Указанное законоположение предусматривает, таким образом, обязанность оператора поисковой системы по заявлению гражданина прекратить выдачу сведений об указателе страницы сайта в сети Интернет, позволяющих получить доступ к информации о заявителе, в случаях, если такая информация: а) распространяется с нарушением законодательства Российской Федерации; б) является недостоверной или неактуальной и (или) в) утратившей значение для заявителя в силу последующих событий или действий заявителя. Исключение составляет информация о событиях, содержащих признаки уголовно наказуемых деяний, сроки привлечения к уголовной ответственности по которым не истекли, а также информация о совершении гражданином преступления, по которому не снята или не погашена судимость. О важности нормативного закрепления данного права свидетельствует и тот факт, что только за три первых месяца по-

сле вступления закона в силу Google получила свыше 1,4 тыс. запросов на удаление ссылок, а Яндекс — более 3,5 тыс. При этом обе компании удалили более четверти запрошенных ссылок³⁹.

Несмотря на то что нормативное закрепление это право получило относительно недавно, перед КС РФ уже ставились вопросы, в рамках рассмотрения которых были высказаны принципиальные положения, связанные с раскрытием, а в какой-то мере — и развитием правового потенциала этого права в аспекте конституционного истолкования соответствующих законодательных положений.

Так, в 2018 г.⁴⁰ КС РФ отметил, что гарантированное Конституцией РФ право каждого свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом (ч. 4 ст. 29) не должно, как того требует ее ст. 17 (ч. 3), осуществляться с нарушением прав и свобод других лиц, а его реализация возможна только в порядке, установленном законом. Особый характер прав личности, гарантированных ст. 23 и 24 (ч. 1) Конституции РФ, распространяющийся в том числе на производные от них права (право на защиту персональных данных, «право на забвение» в сети Интернет), не исключает, что в некоторых случаях при определенных обстоятельствах, особенно если речь идет об информации, которая не относится к сфере частной жизни лица в ее узком понимании, данные права могут быть ограничены путем обеспечения доступа общественности к

³⁹ См.: *Пушкарская А.* Конституционный суд не усомнился в «праве на забвение» // *Коммерсантъ*. 2019. 20 апр. № 71. С. 2.

⁴⁰ См. определение КС РФ от 26 ноября 2018 г. № 3087-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы К. на нарушение его конституционных прав п. 1 ст. 3 и ч. 1 ст. 8 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

соответствующей информации в целях защиты конституционно охраняемых ценностей, имеющих в конкретной ситуации превалирующее значение. Как результат, КС РФ пришел к выводу, что положения данного Федерального закона ориентируют суды на основе установления и исследования фактических обстоятельств конкретного дела находить баланс между конституционно защищаемыми ценностями: доступом граждан к информации, с одной стороны, и защитой прав граждан при распространении информации о них — с другой, и тем самым обеспечить защиту прав и интересов граждан в сфере информации. Одновременно, наряду с затронутым аспектом реализации права на забвение, важным является и тот факт, что реализация данного права рассматривается КС РФ как способ защиты прав личности.

Конституционный Суд РФ указал, что ст. 10³ Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» является конкретизацией общих принципов регулирования и реализации гражданами права свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом; одновременно Суд впервые использовал понятие «право на забвение» и, характеризуя его юридическую природу, указал, что данное право является производным от конституционных прав граждан на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну (ст. 23 Конституции РФ), а также конституционно-правового запрета на сбор, хранение и распространение информации о частной жизни лица без его согласия (ч. 1 ст. 24 Конституции РФ).

Вместе с тем из положений ст. 10³ Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» следует, что «право на забвение» не является абсолютным и не предполагает безусловного удаления оператором

любой информации. Такой относительный, ограниченный характер данного права продиктован необходимостью соблюдения при его реализации баланса с иными конституционными правами, особенно правом каждого свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом, а также свободой массовой информации (ст. 29)⁴¹.

Фундаментальные конституционные права, закрепленные ст. 23, 24 (ч. 1) и 29 Конституции РФ, защищают являющиеся одинаково значимыми интересы частного лица в обеспечении его приватности, с одной стороны, и интересы широкой общественности в доступе к информации — с другой, а потому они не находятся в состоянии главенства и подчинения и не обладают безусловным приоритетом друг перед другом⁴². Соответственно, особый характер прав личности, гарантированных ст. 23 и 24 (ч. 1) Конституции РФ, распространяющийся в том числе на производные от них права (право на защиту персональных данных, «право на забвение» в сети Интернет), хотя, как правило, и предполагает признание их приоритета по отношению к коррелирующим им правам, вместе с тем не исключает, что в некоторых случаях при определенных обстоятельствах, особенно если речь идет об информации, которая не относится к сфере частной жизни лица в ее узком понимании, данные права могут быть ограничены путем

⁴¹ По аналогичному пути идет и европейская практика. См. п. 65 Регламента от 27 апреля 2016 г. № 2016/679 Европейского парламента и Совета ЕС; Case C-131/12 “Google Spain SL and Google Inc. v Agencia Española de Protección de Datos (AEPD) and Mario Costeja González”. ECLI:EU:C:2014:317. Para 85; Крылова М. С. Указ. соч. С. 179.

⁴² См. определение КС РФ от 12 февраля 2019 г. № 275-О об отказе в принятии к рассмотрению жалоб А. О. Безруковой на нарушение ее конституционных прав п. 1 ст. 152¹ и п. 1 ст. 152² ГК РФ.

обеспечения доступа общественности к соответствующей информации в целях защиты конституционно охраняемых ценностей, имеющих в конкретной ситуации преобладающее значение⁴³. В марте 2019 г. КС РФ вынес новое решение, в котором, как писала пресса, не усомнился в праве на забвение и подтвердил указанные позиции⁴⁴.

⁴³ См. определение КС РФ от 26 ноября 2018 г. № 3087-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы К. на нарушение его конституционных прав п. 1 ст. 3 и ч. 1 ст. 8 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

⁴⁴ См. определение КС РФ от 26 марта 2019 г. № 849-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Региональной общественной организации содействия просвещению граждан «Информационно-аналитический центр “Сова”» на нарушение конституционных прав и свобод ст. 10³ Федерального закона «Об информации, ин-

Отмеченными направлениями, естественно, не исчерпываются чрезвычайно сложные, разноплановые, многовекторные процессы цифровизации получающего новые импульсы развития под влиянием современных технологий национального конституционно-правового пространства. Очевидно, что эти проблемы, включая не затронутые в настоящей статье вопросы электронного правосудия, формирования и особенностей функционирования новых институтов электронной демократии и т. п., заслуживают самостоятельных исследований, в том числе на основе изучения практики Конституционного Суда РФ по этим вопросам.

формационных технологиях и о защите информации», п. 2 ст. 1 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и статьи 29 и 402 ГК РФ».

Библиографический список

- Andre Le Sueur. Robot Government: Automated Decision-making and its Implications for Parliament // Parliament: Legislation and Accountability. Oxford, 2016.
- Bastick Z. Digital Limits of Government: The Failure of E-Democracy // Beyond Bureaucracy: Towards Sustainable Governance Informatisation. Springer International Publishing, 2017.
- Devins C., Felin T., Kauffman S., Koppl R. The Law and Big Data // Cornell Journal of Law and Public Policy. Vol. 27. Iss. 2.
- Howes D. E-Legislation: Law-Making in the Digital Age // McGill Law Journal. 2001. Vol. 47.
- Lessig L. Reading the Constitution in Cyberspace. URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=41681.
- O'Hara Kieron. The Right to Be Forgotten: The Good, the Bad, and the Ugly // University of Southampton. The Digital Citizen, 2015.
- Авакьян С. А. Информационное пространство знаний, цифровой мир и конституционное право // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 7.
- Бондарь Н. С. Судебный конституционализм: доктрина и практика. 2-е изд. М., 2016.
- Гаджиев Г. А., Войниканис Е. А. Может ли робот быть субъектом права (поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4.
- Государственное управление и закон. Обзор. Всемирный банк, 2017.
- Грачева С. А., Черемисинова М. Е. Вопросы конституционного обеспечения цифровых прав // Вестник МПГУ. Серия: Юридические науки. 2018. № 4(32).
- Данилов Н. А. Социальная справедливость в информационном обществе: проблема цифрового равенства // Информационное право. 2012. № 2 (29).
- Добролюбова Е. И., Южаков В. Н., Ефремов А. А., Клочкова Е. Н. и др. Цифровое будущее государственного управления по результатам. М., 2019.
- Зорькин В. Д. Право в цифровом мире // Российская газета — Столичный выпуск. 2018. 29 мая. № 7578(115).
- Крылова М. С. Принципы обработки персональных данных в праве Европейского союза // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 10.

Мухаметшина Е., Бочарова С. Электронное голосование на выборах в Мосгордуму станет поводом для судебных разбирательств // Ведомости. 2019. 11 сент.

Нисневич Ю. А. Электронное государство // Вопросы политологии. 2011. № 1(1).

Пестерева А. Электронное голосование подвела техника // Коммерсантъ. 2019. 11 сент.

Пушкарская А. Конституционный суд не усомнился в «праве на забвение» // Коммерсантъ. 2019. 20 апр. № 71.

ПФР: «цифровой портрет» появится у 80% россиян к 2025 году. URL: <https://www.pnp.ru/social/pfr-cifrovoy-portret-poyavitsya-u-80-rossiyan-k-2025-godu.html>.

Российский проект «Цифровое равенство» стал победителем конкурса WSIS Prizes-2018. URL: <http://d-russia.ru/rossijskij-proekt-tsifrovoe-ravenstvo-stal-pobeditelem-konkursa-wsis-prizes-2018.html>.

Саурин А. А. Цифровизация как фактор трансформации права // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 8.

Сафоклов Ю. «Большой брат» в Интернете. Решение Федерального конституционного суда Германии по так называемому «компьютерному основному праву» // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. № 5(72).

Соколова О. С. Защита персональных данных посредством права на забвение // Современное право. 2016. № 9.

Талапина Э. В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2.

Тихомиров Ю. А., Головина А. А., Плюгина И. В. и др. Правовое пространство: границы и динамика: монография / отв. ред. Ю. А. Тихомиров. М., 2019.

Участвовать в общественных отношениях невозможно анонимно // Парламентская газета. 2019. 6—12 сент.

Хабриева Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9.

Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1.

Шабашев В. А., Щербакова Л. Н. Тенденции цифрового равенства/неравенства в современном мире // Социологические исследования. 2016. № 9.

Шахрай С. М. «Цифровая» Конституция. Судьба основных прав и свобод личности в тотальном информационном обществе // Вестник Российской академии наук. 2018. № 12. Т. 88.

Щербович А. А. Хартия прав человека и принципов для Интернета с точки зрения реализации социальных, экономических и культурных прав. М., 2016.

References

Andre Le Sueur. Robot Government: Automated Decision-making and its Implications for Parliament. *Parliament: Legislation and Accountability*. Oxford, 2016. P. 18.

Avak'yan S. A. The information space of knowledge, digital world and constitutional law. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2019, no 7, pp. 23—28. (In Russ.)

Bastick Z. Digital Limits of Government: The Failure of E-Democracy. *Beyond Bureaucracy: Towards Sustainable Governance Informatisation*. Springer International Publishing, 2017. Pp. 3—14.

Bondar' N. S. Judicial constitutionalism: doctrine and practice. 2nd ed. Moscow, 2016. 528 p. (In Russ.)

Danilov N. A. Social justice in the information society: the problem of digital equality. *Informatsionnoe pravo*, 2012, no. 2 (29), pp. 5—7. (In Russ.)

Devins C., Felin T., Kauffman S., Koppl R. The Law and Big Data. *Cornell Journal of Law and Public Policy*, vol. 27, iss. 2, pp. 357—413.

Dobrolyubova E. I., Yuzhakov V. N., Efremov A. A., Klochkova E. N. et al. Digital future of public administration by results. Moscow, 2019. (In Russ.)

Gadzhiev G. A., Vovnikanis E. A. Could robot be a legal subject? (in search of legal forms for digital economy regulation). *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2018, no. 4, pp. 24—48. (In Russ.)

- Gracheva S. A., Cheremisinova M. E. Constitutional Enforcement of Digital Rights. *Vestnik MGPU. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2018, no. 4(32), pp. 56—70. (In Russ.)
- Howes D. E-Legislation: Law-Making in the Digital Age. *McGill Law Journal*, 2001, vol. 47.
- It is impossible to participate in public relations anonymously. *Parlamentskaya gazeta*, 2019, September 6—12. (In Russ.)
- Khabrieva T. Y. Law Facing the Challenges of Digital Reality. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2018, no. 9, pp. 5—16. (In Russ.) DOI: 10.12737/art_2018_9_1
- Khabrieva T. Y., Chernogor N. N. The Law in the Conditions of Digital Reality. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2018, no. 1, pp. 85—102. (In Russ.) DOI: 10.12737/art_2018_1_7
- Krylova M. S. Principles of personal data processing in the law of the European Union. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*, 2017, no. 10, pp. 253—257. (In Russ.)
- Lessig L. Reading the Constitution in Cyberspace. Available at: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=41681.
- Mukhametshina E., Bocharova S. Electronic voting in the elections to the Moscow city Duma will be the occasion for litigation. *Vedomosti*, 2019, September 11. (In Russ.)
- Nisnevich Yu. A. Electronic state. *Voprosy politologii*, 2011, no. 1(1), pp. 6—18. (In Russ.)
- O'Hara Kieron. The Right to Be Forgotten: The Good, the Bad, and the Ugly. *University of Southampton. The Digital Citizen*, 2015.
- Pestereva A. E-voting failed due to technical issues. *Kommersant*, 2019, September 11. (In Russ.)
- Public administration and law. Review. World bank, 2017. (In Russ.)
- Pushkarskaya A. The Constitutional court did not doubt the “right to be forgotten”. *Kommersant*, 2019, April 20, no. 71. (In Russ.)
- PFR: “digital portrait” will appear in 80% of Russians by 2025. Available at: <https://www.pnp.ru/social/pfr-cifrovoy-portret-poyavitsya-u-80-rossiyan-k-2025-godu.html>. (In Russ.)
- Safoklov Yu. “Big brother” in the Internet decision of the Federal constitutional court of Germany about so-called “computer fundamental right”. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, 2009, no. 5(72), pp. 144—156. (In Russ.)
- Saurin A. A. Digitization as a law transforming factor. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2019, no. 8, pp. 26—31. (In Russ.)
- Shabashev V. A., Shcherbakova L. N. Trends in digital equality/inequality in the modern world. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2016, no. 9, pp. 3—12. (In Russ.)
- Shakhray S. M. “Digital” Constitution. The fate of the individual basic rights and freedoms in a total information society. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*, 2018, no. 12, vol. 88, pp. 1075—1082. (In Russ.)
- Shcherbovich A. A. Carta of human rights and principles for the Internet in terms of the realization of social, economic and cultural rights. Moscow, 2016. (In Russ.)
- Sokolova O. S. Personal Data Protection by means of Right to be Forgotten. *Sovremennoe pravo*, 2016, no. 9, pp. 69—72. (In Russ.)
- Talapina E. V. Law and Digitalization: New Challenges and Prospects. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2018, no. 2, pp. 5—17. (In Russ.) DOI: 10.12737/art_2018_2_1
- The Russian project “Digital equality” became the winner of the competition WSIS Prizes-2018. Available at: <http://d-russia.ru/rossijskij-proekt-tsifrovoe-ravenstvo-stal-pobeditelem-konkursa-wsis-prizes-2018.html>. (In Russ.)
- Tikhomirov Yu. A., Golovina A. A., Plyugina I. V. et al. Legal Space: Boundaries and Dynamics. Ed. by Yu. A. Tikhomirov. Moscow, 2019. (In Russ.)
- Zor'kin V. D. Law in the digital world. *Rossiyskaya gazeta*, 2018, May 29, no. 7578(115). (In Russ.)
-
-